

Доктор Кнут Хайм, Пословицы, Лекция 4, Параллелизм

© 2024 Кнут Хайм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Кнут Хайм в своем учении по книге Притчей. Это занятие номер четыре: Варианты повторения, Параллелизм, Лекции в главах Притчей с первой по девятую.

Добро пожаловать на четвертый урок библейской книги Притчей.

В этом уроке мы собираемся рассмотреть три конкретных аспекта книги Притчей в целом. Итак, это своего рода методологическая подготовительная работа, которую мы собираемся проделать, и которая, я надеюсь, вдохновит вас прочитать книгу Притчей самостоятельно, несмотря на всю ее ценность. Итак, метод своего рода теоретический.

Возможно, в некоторых аспектах это немного сложно, но я надеюсь, что к концу этой статьи вы разделите мое волнение по поводу тонкостей поэзии пословиц и того, как красота создается посредством искусства в языке. Прежде всего, мы рассмотрим одну из трех наиболее ярких особенностей библейской поэзии, а именно параллелизм. О двух других функциях я расскажу позже.

Затем мы также рассмотрим важный и особенный феномен в книге Притчей: то, что я называю вариантным повторением. Это означает повторение подобных стихов в разных частях книги Притчей. Один из таких примеров мы уже видели с частичным повторением главы 1, стих 7, и главы 9, стих 10 в предыдущей лекции, в лекции 3. И затем третья область, которую мы собираемся рассмотреть, это: вы могли бы назвать это структурным проектированием, архитектурой различных частей лекций в главах Притчей с 1 по 9, которые сильно отличаются от материала, начиная с главы 10.

Итак, это три области. Итак, начнем с параллелизма. Для этого я собираюсь прочитать несколько разделов из моей недавней книги «Поэтическое воображение в Книге притчей».

Вот этот. Получилось немного тяжелее, чем я изначально предполагал, но писать это было очень весело. И в процессе, конечно, я узнал кое-что, что попытался изложить в письменной форме, и кое-чем из этого теперь хочу поделиться с вами.

Итак, если мы проведем обзор исследований по параллелизму в библейской поэзии, нам нужно, прежде всего, отметить, что в течение последних 250 лет господствующая парадигма изучения еврейской поэзии и параллелизма в

частности изменилась. была парадигмой, разработанной епископом Робертом Лоутом в его знаменитых лекциях De Sacra Poesiae . Hebraeorum , Praelectiones , с 1753 года. Это была серия лекций, которые он фактически читал в Оксфордском университете, когда был там профессором поэзии. Тем не менее, конечно, за последние десятилетия, особенно с 1980-х годов, произошел значительный процесс, и сейчас я хочу конкретно поговорить, прежде всего, о вкладе Роберта Лоута , чтобы мы получили представление о контексте научные дискуссии о параллелизме в библейской поэзии.

Более трети Библии написано стихами. Просто представьте себе это. Более трети Библии.

Как я уже упоминал, в исследовании параллелизма, в частности, доминировал Роберт Лоут , и в настоящее время эта теория обычно известна под латинским названием, которое дал ей Лоут , и которое называется Parallelismus Membrorum , что в буквальном переводе означает просто параллельность членов. И чтобы привести вам только один пример, я думаю, что хочу выбрать тот, который очень близок моему сердцу, очень дорог моему сердцу, а именно первый стих Псалма 103:

Славь Господа, душа моя,
и все, что во мне, да благословит святое имя его.

И видите ли вы, насколько параллельны члены двух половин этого двойного высказывания? Это один стих, но в нем две половины.

Позвольте мне просто повторить это. Благослови Господа, душа моя, и все, что внутри меня, благослови святое имя Его. И вы можете видеть, что в некотором смысле обе половины стиха являются повторением друг друга, конечно, с вариациями.

Епископ Лоут назвал этот синонимический параллелизм, потому что две половины параллели описывают синонимичные и похожие вещи. Итак, епископ Лоут первоначально предложил три категории параллелизма, а именно синонимический, антитетический и синтетический. При синонимическом параллелизме части стихотворной строки повторяют, цитируют, один и тот же смысл в разных, но эквивалентных терминах, завершают кавычку.

Еще один хороший пример — Притчи 18, стих 15.

Сердце разумного обретает знание,
и ухо мудрых ищет знания.

Здесь каждое выражение (по крайней мере, так кажется) в первой части пословицы находит очень похожий, с точки зрения Лоута , синонимичный аналог во второй.

Второй из этих параллелизмов, а именно антитетический параллелизм, возникает тогда, когда, цитирую, две строки, т. е. наши частичные строки, соответствуют друг другу посредством противопоставления терминов и смыслов, когда вторая противопоставляется первой, иногда в выражениях, , иногда только по смыслу, конец цитаты. Типичный пример – Притчи 13, стих 9. Послушайте это.

Свет праведных ликует,
но светильник нечестивых погаснет.

Здесь каждое выражение первой полустихи находит контрастное выражение во второй части поэтического параллелизма.

В-третьих, в синтетическом параллелизме, кавычке, параллелизм состоит только в этой сходной форме конструкции, в конце кавычки. Недаром описание синтетического параллелизма у Лоута несколько расплывчато, ибо оно было рассчитано на охват самых разных видов параллелизма, где предполагаемый ответ во второй половине поэтических строк не всегда очевиден.

Притчи 16, 12 могут служить типичным примером менее очевидного синтетического параллелизма. Цитировать,
короли ненавидят злые дела,
ибо престол держится праведностью.

Ну, вам решать, действительно ли это параллелизм.

Ну, это что-то, и мы к этому еще вернемся. Итак, Лоут считал, что закономерности, присущие открытой им тройственной системе параллелизма, настолько сильны, что могут выполнять две важные функции в критической интерпретации еврейской поэзии, а именно лексикографии и текстологической критики. Следующая цитата иллюстрирует точку зрения Лоута, позицию, которую на практике придерживаются преемники Лоута в основном и по сей день.

Цитирую, это строгое внимание к форме и манере сочинения принесет ему большую пользу как переводчику и часто будет вводить его в смысл непонятных слов и фраз. Иногда это будет указывать на истинное прочтение там, где текст в наших нынешних копиях ошибочен, и будет проверять и подтверждать исправление, предложенное на основании рукописей или древних версий. Так, Лоут считал, что система параллелизма настолько строга и точна, что когда мы находим в параллелизме неясное слово, имеющее параллелизм со словом, значение которого нам известно, то в синонимическом параллелизме неясное слово должно означать то же, что и его параллельный аналог.

Точно так же он также утверждал, и многие люди следовали за ним на протяжении веков до сих пор, что всякий раз, когда у нас есть поэтическая строка в параллелизме, где параллелизм не был таким совершенным, как он хотел, в тексте могла быть ошибка. передача, копирование этого текста на протяжении столетий. И поэтому он был вполне уверен, и многие люди после него делали то же самое, что, когда параллелизм был не таким точным, как люди теперь ожидали, что мы, как ученые, были свободны изменить этот текст и сделать его более параллельным, чем предыдущий. оригинал, который мы нашли в оригинальном иврите. Вы можете видеть в этом проблемы, потому что кто может сказать, что парадигма строгого параллелизма, которую установил Лоут, действительно верна, если на самом деле существовало так много сотен случаев, когда параллелизм вообще не был строгим.

Вы можете видеть, как доказательства, материал, для объяснения которого была разработана теория, были изменены, чтобы соответствовать теории. Огромная проблема, если честно. Но что вам нужно просто запомнить сейчас, хотя я сейчас и вскоре собираюсь доказать, что на самом деле эта точная система этих трех разных категорий параллелизма на самом деле устарела и чрезвычайно проблематична, тем не менее, вам нужно знать о синонимах. , антитетический и синтетический параллелизм, представление о нем хотя бы потому, что во многих учебниках, которые вы будете читать в ходе изучения Библии, вы встретите такого рода теории.

Позвольте мне привести здесь пример типичной ситуации, когда на самом деле практиковалась текстовая поправка на основе лучшего параллелизма. Это следует из очень хорошего комментария Ричарда Клиффорда в недавнем издании серии комментариев Библиотеки Ветхого Завета. Комментируя Притчи 29.6, он заявил, и я цитирую его немного свободно, что еврейский язык второй половины стиха, а именно: праведник поет, ярун и радуется, не является удовлетворительной параллелью первой половине. стиха.

Его исправленный вариант всего стиха гласит: обиды негодяя ловят его, а праведник бежит радуясь, в чем заменяет яруна, поет, с яруцем побежит. И здесь вы можете увидеть, как он соотнес этот стих с теорией. За последние два столетия были сделаны буквально сотни и сотни предложений такого рода.

Точно так же современные словари библейского иврита содержат сотни предложений по значению непонятных слов или фраз, основанных на оригинальной идее параллелизма Лаута, Parallelismus. Мемброрум. Очевидная полезность параллелизма для лексикографии и текстовой критики, а также четкая категоризация, описанная выше, в некоторой степени объясняют успех и долговечность версии параллелизма Лаута. Теперь я перейду к следующей главе моей книги, в которой представлю ряд предложений по расширению перспективы параллелизма.

Изучая варианты повторы в Книге Притчей, я столкнулся с параллелизмом не только на уровне стихотворной строки, т. е. с параллелизмом между частичными строками одного и того же стиха, но и на трех других уровнях. Два из них были упомянуты другими учеными. Полулинейный параллелизм в работах Уилфреда Уотсона и подлинейный параллелизм в очень важной работе Роберта Альтера.

Четвертый уровень параллелизма, то, что я называю транслинейным параллелизмом между несмежными поэтическими строками, завершает, на мой взгляд, картину гораздо более широкого контекстуального рассмотрения параллелизма в поэзии. Итак, я не говорю, что в поэзии нет параллелизма. Скорее, в своей критике парадигмы Лаута я говорю о том, что параллелизма гораздо больше, чем он когда-либо мог себе представить.

Но во-вторых, я также буду утверждать, что этот параллелизм гораздо более гибок, менее строг и более динамичен, чем он когда-либо думал. Итак, вот оно. И, возможно, мне следует просто сказать, что, развивая это, я обнаружил, что после того, как я разработал эту схему различных уровней параллелизма, я нашел аналогичную идею, выраженную в работе Дени Парди в книге об угаритской и еврейской поэзии: под названием «Угаритский и еврейский поэтический параллелизм» 1988 года.

Итак, я хочу отметить этот вклад, этот очень важный вклад коллеги-ученого, который использует немного другую терминологию, но в целом отстаивает одно и то же явление. Итак, я начну с того, что я называю полулинейным параллелизмом. Полулинейный в смысле параллелизма не на уровне всего стиха, а на уровне полустиха.

Так что даже первая или вторая половина стиха имеет в себе две части, параллельные друг другу. Итак, это низший уровень поэтической структуры. Итак, полулинейный параллелизм — это первый уровень параллелизма, действующего между частями наименьшей поэтической единицы, которую я в своей работе называю частичной линией.

Хорошим примером является Притчи 6, стих 10, который, кстати, идентичен главе 24, стих 33, повторение одного и того же стиха в разных сборниках Книги Притчей. В английском переводе эти два стиха читаются следующим образом. Немного поспать, немного подремать, немного, сложив руки, отдохнуть.

И вы можете видеть, что первая частичная линия, немного поспать, немного поспать, очень хорошо параллельна. И то и другое в первой частичной строке параллельно второй половине стиха, а именно небольшое сгибание руки для

отдыха. Здесь первая полупрямая естественным образом распадается на две параллельные половины, которые, в свою очередь, параллельны второй.

Уотсон, назвав этот уровень параллелизма тем, что он называет внутренним параллелизмом или параллелизмом полулиний, провел шесть новаторских исследований явления, которое я называю полулинейным параллелизмом, опубликованных между 1984 и 1989 годами. По мнению Уотсона, линия с внутренним параллелизмом ведет себя как куплет или целый стих. И это хорошо иллюстрируется такими примерами, как Притчи 6, 10 и 24, 33.

Один из интересных вопросов заключается в том, можно ли показать, как это, по-видимому, имело место в некоторых стихах, что параллелизмы полустрочек некоторых составляющих их частей являются сжатыми выражениями, перефразированными из более стандартных, длинных полустрочек или других частей. наоборот. А теперь перейдем ко второму уровню параллелизма, который я называю внутрелинейным параллелизмом. То есть параллелизм внутри одного и того же стиха.

И это на самом деле, более или менее точно, то, что Роберт Лоут описал в отношении стихов А и Б, или первой полустроки и второй полустроки, или различных слов, двоеточие А, двоеточие Б, различные способы, которыми это было описано. Во внутрелинейном параллелизме, стандартном описании параллелизма до сих пор, существуют параллели между частичными строками нормальной поэтической строки. Решающее преимущество распознавания различных уровней параллелизма состоит в том, что в большинстве случаев, когда параллелизм на внутрелинейном уровне уменьшен или вообще отсутствует, он, тем не менее, существует на других уровнях параллелизма.

И я покажу это через минуту. Во многих случаях это понимание решает проблемы, которые ранее поднимались из-за кажущегося отсутствия параллелизма в анализе многих поэтических строк. Теперь я перехожу к межлинейному параллелизму.

Интер, то есть между последовательными стихами данного стихотворения или последовательностью поэтических стихов или строк. Межлинейный параллелизм касается соответствия между соседними стихотворными строками, как, например, в Псалмах 27:3 и Псалме 88:12–13. Примеры из Книги Притчей включают, например, Притчи 2, стихи 1 и 2, главу 6, стихи с 16 по 19 и так далее. Классический пример межстрочного параллелизма в книге — соседние стихи, Притчи 26, стихи с 4 по 5. Это весело.

Смотри. Итак, межлинейный параллелизм, первый куплет, а потом второй куплет. Я подниму левую руку, когда прочитаю первый стих, и подниму правую руку, когда прочитаю второй стих.

Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и ты не стал таким, как он. Отвечайте глупому по его глупости, чтобы он не стал мудрым в собственных глазах. Видите параллелизм? Это первая половина двух последовательных стихов.

Не отвечайте глупцу по его глупости. Отвечайте глупцу по его глупости. У нас есть явное противоречие в Библии.

Это очень весело. Люди обычно волнуются или волнуются. Люди черпали вдохновение из истины Библии.

Как оба эти утверждения могут быть правдой? Я не буду сейчас этим заниматься. Однако в одной из последующих лекций мы рассмотрим эти два стиха очень подробно. Я попытаюсь объяснить, почему эти противоречия присутствуют в такой вопиющей форме.

Я думаю, вам понравится то, что мы там найдем. Но сейчас я просто упоминаю об этом как пример межлинейного параллелизма. На внутрилинейных уровнях двух поэтических стихов параллелизм практически отсутствует.

Между двумя поэтическими строками скорее существует параллелизм, как я только что объяснил ранее, говоря о внутрилинейном параллелизме. Хорошо, а теперь переходим к последнему уровню, самому большому уровню параллелизма, а именно транслинейному параллелизму. Это уровень параллелизма, охватывающий самые большие участки материала.

Транслинейный параллелизм — это мой термин для обозначения соответствия между поэтическими строками, которые разделены одной или несколькими промежуточными стихотворными строками, как, например, в Притчах 10, стих 6б, который повторяется в Притчах 10, стих 11б, а также, для например, Притчи 13, стих 1б, и Притчи 13, стих 8б. Во всех этих случаях, а их много в Библии, а также в Книге Притчей, между поэтическими строками или отдельными строками есть несколько других стихов, которые параллельны, однако эти повторения настолько близки друг к другу и достаточно похожи, что параллелизм должен быть обнаружен внимательным читателем. Таким образом, этот параллелизм стихов или частей стихов, находящихся в относительной близости, является более узким смыслом, в котором я использую термин транслинейный параллелизм.

Теперь я, собственно, перейду к концу моей книги, к заключению, и скажу еще немного, главным образом в порядке критики и исправлений, о том, как я считаю, что в наши дни нам необходимо воспользоваться красотой параллелизма. и как его лучше всего анализировать. И многое из того, что я буду говорить, на самом деле представляет собой критику и критический

диалог с традиционным пониманием того, что я сейчас называю теорией точного параллелизма. Итак, поэтический параллелизм, на мой взгляд, состоит, прежде всего, из повторений и вариаций, из различия и сходства.

Это, пожалуй, самый важный аспект моего понимания поэтического параллелизма. Итак, позвольте мне объяснить это немного подробнее. Итак, сейчас, в течение следующих нескольких минут, я хочу поговорить о разнице в параллелизме.

Джон Голдингей, очень известный исследователь Ветхого Завета, заявил в статье, которую он написал около 20 лет назад или около того, что еврейская просодия, или его термин для обозначения поэзии, еврейская поэзия, любит сочетать повторение с вариациями. Теперь я хотел бы еще раз сформулировать и развить его заявление, говоря своими словами, следующим образом. Творческое сочетание повторения с вариацией составляет саму суть еврейской поэзии.

И я считаю, что это имеет важные последствия для нашего понимания самой природы поэзии пословиц, а также другой поэзии. Большинство пословиц нелегко понять, и они не предназначены для этого. Они требуют тщательного исследования и толкования.

И в следующих лекциях мы рассмотрим множество примеров. Недавние профессиональные толкователи и обычные читатели пословиц просто не верили, что утверждения, которые мы обсуждали в предыдущей лекции, в главе 1, стихи с 1 по 6, и в главе 2, которую мы вскоре рассмотрим, нужно воспринимать всерьез. И я бы сказал, что это необходимо изменить.

Нам нужно быть гораздо более изощренными в интерпретации этих текстов, потому что сами тексты сложны. Напомню вам тот знаменитый пример из 26-й главы. Как может быть такое явное противоречие в последующих стихах? Раньше люди говорили: ну это просто противоречие и это глупо.

Эти люди не были глупыми. Была причина, по которой они это сделали, и наша задача выяснить, в чем она заключается. Параллелизм нельзя оценить и оценить, просто перечисляя и подсчитывая синонимичные или антитетические компоненты различных частей поэтической строки.

Подобные вещи действительно можно сказать по-разному. И именно различия между различными вариантами создают уникальную идентичность, значение и прагматическое воздействие множества возможных вариантов. В пословицах в целом, и я все больше убеждаюсь в этом, в еврейской поэзии в целом тоже.

Напоминаю вам, что разница в повторении из Притчей 1, стих 7, в Притчи 9, стих 10, где мы обсуждаем значение решита знания как страха Господня, является одним из примеров, подтверждающих этот аргумент. Таким образом, различия между параллельными компонентами в поэзии, приводящие к тому, что я называю неточным параллелизмом, играют решающую роль в процессе коммуникации и являются свидетельством поэтического мастерства и творческого потенциала. Иногда поэтические материалы демонстрируют дерзкое отсутствие соответствий параллелизма.

Интересные виды параллелизма — это не тот, который демонстрирует полную или близкую синонимию или антитезу. Скорее, это те, которые достаточно близки, чтобы параллелизм оставался различимым, но в то же время достаточно различны, чтобы сказать что-то отличительное в каждой части параллели, так что это расширяет перспективу того, что говорится в других частях поэтической строки, т. е. в каждой части. освещая и усиливая другого. Итак, наибольший интерес представляют различия между вариантами и между соответствующими элементами на разных уровнях параллелизма.

Именно здесь возникают новые смыслы и нюансы, которые делают чтение Книги Притчей таким увлекательным приключением ума. При параллелизме выражения соответствуют друг другу таким образом, что их можно назвать эквивалентными в широком смысле этого слова, но они достаточно различны, чтобы быть информативными и интересными. Часто общее чувство баланса и использование образов, таких как сравнения или метафоры, могут служить индикаторами параллелизма, создавая ощущение соответствия, а не полной эквивалентности.

Естественная тенденция читателей попытаться прояснить, как функционирует это соответствие, стимулирует их воображение. Поэтому я рекомендую трехуровневую систему синонимических антитетик и синтетических параллелизмов заменить подробным анализом конкретных примеров поэтических стихов как таковых. Этот анализ должен быть гибким, конкретным и творческим.

Они должны объяснить, как соотносятся между собой разные части стихотворных строк. Часто неточная природа параллелизма допускает целый ряд сложных и весьма продуктивных выводов и выводов, которые чрезвычайно обогащают смысл и значение. Итак, на мой взгляд, совокупность данных свидетельствует о том, что мы должны отказаться от классификации параллелизма как отличительной черты библейской поэзии.

Знак клейма используется как гарантия качества при оценке драгоценных металлов, таких как золото и серебро. В переносном смысле, как и при описании важности параллелизма в библейской поэзии, параллелизм

понимался как отличительная характеристика и показатель превосходства. Традиционно сопоставление терминов в поэтических строках, создающее прямой и точный параллелизм, считается лучшим видом параллелизма и, как следствие, примером лучшей поэзии.

На мой взгляд, такого рода оценочные суждения необоснованны. Параллелизм, конечно, остается одной из наиболее частых черт библейской поэзии. Но ему приходится довольствоваться ролью наряду с другими поэтическими чертами.

Большинство поэтических строк играют роль в более широком литературном контексте, и необходимость контекстуальной преемственности сформировала параллельный состав большинства поэтических строк, отвечающий этой цели наряду со стремлением к параллелизму. От идеи идеального параллелизма необходимо отказаться. Необходимо отказаться и от количества точных соотношений в стихотворных строках как меры поэтического качества.

Параллелизм действует наряду с другими аспектами, такими как контекст и образы. Теперь я хочу поговорить немного о более необычных, более творческих и интересных видах параллелизма. Здесь я хочу сосредоточиться особенно на балансе и многоточии, а также на том, как сама неточность параллелизма может создать дополнительный смысл и стимулировать воображение.

Таким образом, частичные строки в еврейских пословицах обычно имеют одинаковую или одинаковую длину. Это помогает нам понять многие другие поэтические особенности, такие как неточный параллелизм и многоточие. Поэтическая техника многоточия важнее, чем считалось ранее.

Итак, прежде всего, многоточие и новая информация. В прошлом многоточие рассматривалось главным образом как средство экономии места. Напротив, я бы сказал, что многоточие освобождает пространство без потери смысла, и поэтому в параллельность линий, которые остаются равной длины, могут быть введены новые и дополнительные материалы, хотя больше информации передается в части линии с многоточием. .

Потому что многоточие не означает, что смысл потерян, но создается пространство для добавления новой информации в параллелизм. Я также хочу поговорить о многоточии как об игре слов. Иногда многоточие может выступать в роли игры слов.

Когда пробел, созданный пропуском, может быть заполнен более чем одним словом или выражением, тогда возникает двусмысленность и иронично и изобретательно генерируется избыток смысла именно за счет того, что не выражено буквально. Я хочу доказать, что неточный параллелизм имеет

поэтическую функцию и на самом деле является очень неточностью, очень умным поэтическим приемом. Неточный параллелизм противоречит ожиданиям читателей, что параллельные строки в еврейской поэзии похожи.

Таким образом, неявную информацию можно реконструировать, поскольку неточные параллели стимулируют мысленную замену неявной или эллиптической информации, как мы уже обсуждали. Таким образом, неточный параллелизм увеличивает объем информации, которую может передать стихотворная строка, поскольку неточные контрасты подразумевают соответствующие контрасты в противоположной полустроке. Иногда, опять-таки, возможны несколько реконструкций, и это является признаком поэтического потенциала неточного параллелизма, а именно многовалентности, избытка смысла, а не признаком пороков его анализа.

Неточный параллелизм также подчеркивает роль краткости в поэзии. Это максимизирует объем информации без ущерба для краткости и краткости. Краткость в еврейской поэзии, да, возможно, и во всей поэзии, — это не самоцель, а средство вовлечения читателей и слушателей в активную и творческую интерпретацию.

Он может функционировать как поэтический прием, позволяющий создать двусмысленность, преднамеренную двусмысленность и, таким образом, умножить смысл. Итак, то, что мы имеем здесь, в Книге Притчей и в ее параллелизме, является огромным стимулом для творческого погружения читателей в поэтическую красоту содержания этих мудрых высказываний. Итак, в этой части лекции до сих пор мы говорили о поэтическом параллелизме, и я знаю, что это было довольно техническим и довольно подробным, но я надеюсь, что мы заложим основу для творческого чтения и интерпретации Притчей до конца. Этот цикл лекций по книге.

То, о чем я сейчас хочу поговорить, вытекая из нашего рассмотрения поэтического параллелизма, — это библейская поэзия и поэтическое воображение. Что я имею в виду, когда говорю, что написанное с воображением должно читаться с воображением? И опять же, я во многом буду опираться на резюме и выводы из моей книги о поэтическом параллельном воображении. В книге, а некоторые примеры этого мы увидим позже в серии лекций, я доказал и показал, что, по моему мнению, сумел показать, что большинство вариантов повторов в Книге Притчей являются результатом умелого поэтического творчества.

Часто нам удавалось реконструировать редакционный и творческий поэтический процесс, наблюдать, что делали поэты, как они это делали и почему. Внимание к деталям стимулировало наше собственное воображение, и теперь мы, в свою очередь, можем увидеть в действии поэтическое

воображение оригинальных поэтов. И мы рассмотрим некоторые детали этого, некоторые примеры позже.

Практическое применение наших выводов заставляет нас совершенствовать наши подходы к изучению библейской поэзии и побуждает нас адаптировать наши методы интерпретации. Итак, в ближайшие несколько минут я сначала выделю некоторые экзегетические заблуждения и предложу стратегии их искоренения. Затем я предложу аналитические приемы определения поэтических соответствий.

Я выделю роль различных навыков перевода и обращаю внимание на важность воображения переводчика. Итак, прежде всего, некоторые заметные экзегетические заблуждения. Я разделил распространенные ошибки в экзегетических процедурах на четыре группы.

Но они связаны главным образом из-за их общей основы в теории строгого параллелизма или точного параллелизма. Первое из этих заблуждений — это ссылки на другие стихи для устранения двусмысленностей. И мы видим этот пример из Притчей 1:7 и 9:10 как яркую иллюстрацию этого.

В течение долгого времени общепринятым методом разрешения двусмысленностей в поэзии было обращение к аналогичным конструкциям в других местах. Одним из важных и, возможно, спорных результатов моего способа чтения стихов является вывод о том, что в будущем эту процедуру следует применять более осторожно. Или, возможно, не совсем.

Сравнение вариантов и сходных поэтических выражений, конечно, может многое сказать о смысле стихов, но не с целью уподобления их значений друг другу. Стремление многих современных западных толкователей устранить двусмысленность часто приводило к появлению тотальных утверждений об истине в Притчах Книги Притчей, хотя на самом деле именно сами толкователи лишили эти Притчи их нюансов посредством их строгого применения. точного параллелизма. Пословицы с большой двусмысленностью затем обвиняли в том, что они нереалистичны, банальны или догматичны.

По иронии судьбы, эти обвинения тогда часто исходили от тех же ученых, которые только что лишили Притчи их тонкости и многозначности. Это довольно забавно, правда. В действительности, однако, тонкие нюансы часто сигнализируют о значительных изменениях в значении, и сравнения должны сосредоточиться на них, чтобы обнаружить уникальные аспекты каждого поэтического высказывания, а затем интерпретировать его по-своему.

Если сравнения совершенно не могут уменьшить двусмысленность, пусть будет так. Двусмысленность очень часто является сутью поэтического высказывания.

Второе заблуждение — это то, что я бы назвал лексикографией поэтического параллелизма и текстовой критикой.

Епископ Лоут, как мы видели, рассматривал точный параллелизм как надежный переход к значению неясных слов и как помощь для контекстуальных поправок. Последующие поколения переводчиков использовали его в лексикографии и текстологии. Однако я бы сказал, что двусмысленности в еврейской поэзии не следует разрешать с помощью аналогичных конструкций в других стихах.

То же самое справедливо и для определения точного значения редких слов. Необходимо пересмотреть определение значений слов на основе параллелизма, при котором неизвестные слова идентифицируются как синонимы своих параллельных аналогов в случае синонимического параллелизма и как антонимы своих параллельных аналогов в случае антитетического параллелизма. Текстовые поправки и точные лексикографические указания, основанные на идеальном или точном параллелизме, проблематичны.

Успех и долговечность метода Лоута, основанного на параллелизме, во многом обязаны его очевидной полезности для этих самых подходов к лексикографии и текстовой критике. К сожалению, нам нужно отказаться от этой надежды на легкий доступ к значению многих неизвестных или малопонятных ивритских слов. В лучшем случае эта процедура может дать общие сведения о ряде значений непонятных и/или неизвестных слов на иврите.

Все значения слов в словарях иврита, реконструированные на основе точного параллелизма, должны быть пересмотрены, а от многих придется отказаться. Это не означает, что все текстовые поправки или лексикографические предложения, основанные на параллелизме, неверны, но наши выводы, безусловно, требуют осторожности. Эти предложения необходимо еще раз проверить в свете последних событий.

В-третьих, я хочу поговорить об экзегетической ошибке того, что я называю лучшим параллелизмом. Чуть ранее в лекции мы видели пример, предложенный Ричардом Клиффордом. Широко практикуемая процедура улучшения текста реальных поэтических строк на основе явно лучшего параллелизма является, на мой взгляд, экзегетическим заблуждением.

Следует признать, что интерпретации, основанные на лучшем параллелизме, иногда могут быть полезны, если они используются эвристически и с должной осторожностью, а не как методологическое решение всех проблем. Предложения текстуальных поправок или гипотез на том основании, что они обеспечивают лучший параллелизм, следует полностью отказаться в будущем

изучении библейской поэзии. Теперь я перехожу к идеям, ценностям, добродетелям, навыкам и методам чтения библейской поэзии с воображением.

Я разделил эти идеи, характеристики и методы на три группы, но, опять же, конечно, они тесно связаны между собой. Главным образом, как вы уже догадались, благодаря их общей основе — принятию различий в параллелизме и акценту на воображении при интерпретации. И, честно говоря, я считаю, что многое из того, чем я собираюсь с вами сейчас поделиться в этом разделе, применимо и к внебиблейской поэзии на всех языках и всех времен.

Итак, я обращаюсь сначала к аналитическим приемам определения поэтического соответствия. И я хочу поговорить здесь об эвристических нормах в сочетании с незаменимой ценностью гибкости. Анализаторам параллелизма необходимо идентифицировать точные части соответствующих частичных линий.

Переход от интуитивного восприятия параллелизма к более подробному описанию того, как связаны между собой предположительно параллельные элементы, приносит ощутимые преимущества. Иногда элементы, которые казались совпадающими, оказались несвязанными. Иногда, по-видимому, несвязанные между собой элементы могут сочетаться с подходящими аналогами.

Часто можно определить поэтические или контекстуальные функции явно изолированных элементов. Эвристическое предположение о том, что отдельные строки в библейской поэзии имеют одинаковую или одинаковую длину, играет важную роль в анализе параллелизма. Иногда эвристическая норма побуждает к исследованию причины, по которой данная поэтическая строка отклоняется от этой предполагаемой нормы и ожидания.

Почему это не параллельно? Это действительно хороший вопрос. Мы уже видели, что точный параллелизм в книге Притчей редко встречается, и по мере прохождения серии лекций я буду показывать вам все больше и больше примеров. Тем не менее, концепция точного параллелизма как объяснительного или исследовательского фона может быть полезным инструментом в интерпретации, если мы используем ее творчески и гибко.

Это не панацея, подходящая для любой задачи интерпретации, но она может быть полезна в качестве метода самообучения и индуктивного применения. Я считаю, что в этом будет непреходящее значение вклада Роберта Лаута в изучение еврейского параллелизма. Общие поэтические образцы, пока они считаются образцовыми нормами, могут служить двоякой и лишь на первый взгляд противоречивой цели.

Они могут объяснить некоторые необычные особенности данных поэтических строк, показывая, как и почему материал был сформирован в соответствии с различными поэтическими условностями. Часто несколько поэтических условностей или языковых норм могут растянуть конкретную форму данной поэтической строки в разные стороны. И в конечном итоге именно поэт решает, какой из различных поэтических норм он или она хочет следовать, когда они составляют параллелизм.

Следовательно, наши аналитические методы и процедуры должны меняться от случая к случаю, стремясь найти подход, который лучше всего подходит к тому конкретному поэтическому материалу, который рассматривается в любой момент времени. Поэзия нуждается в гибких методах анализа, специально адаптированных к каждой поэтической единице как уникальному проявлению поэтического воображения. Теперь я перехожу к навыкам интерпретации и воображению.

И здесь я хочу сосредоточиться на эвристических нормах и на том, что я называю принятием действительно необычного. Что я имею в виду? Анализ параллелизма зависит от тщательного исследования соответствующих элементов, какими бы неточными или неполными ни были их сходства. Однако точный анализ еврейской поэзии не является сложной наукой с простыми правилами.

Экзегетических ярлыков не существует. Путь к успеху лежит в усердном, внимательном и творческом анализе каждого случая параллелизма на его собственных условиях и ради него самого. Это может занять много времени, но медленное чтение – это именно то, что и есть поэзия.

Распределение случаев параллелизма по заранее определенным категориям может фактически помешать вниманию к деталям, поскольку категории считаются самоочевидными. Напротив, я утверждал и утверждаю, что поэтические высказывания не являются простыми и не должны быть такими. Они намеренно созданы для того, чтобы замедлить процесс чтения и заставить читателя или слушателя глубоко погрузиться в поэтическое воображение.

Однако упоминание о слушателе поднимает вопрос, действительно ли медленное чтение является подходящим методом анализа поэзии. Особенно и даже в большей степени этот вопрос относится к пословицам, которые изначально предназначались для того, чтобы их говорили, слушали, а не видели. Большая часть, если не вся, поэзия на протяжении веков была сочинена для устного исполнения, рассчитанная на способ взаимодействия, который кажется эфемерным и мимолетным, и, таким образом, при устном исполнении поэзии не может быть такой вещи, как медленное слушание.

Я думаю, что мог бы загнать себя в угол. Или я? В ответ я бы сказал, что большая часть, если не вся, поэзия на протяжении веков была записана в той или иной форме, будь то в письменной форме или, что еще более важно, в памяти, чтобы ее можно было исполнять снова и снова. Таким образом, эквивалентом медленного чтения при устном исполнении стихов является повторное слушание.

Повторное исполнение и прослушивание стихотворного произведения либо посредством частого цитирования, скажем, пословицы, либо посредством повторения и, возможно, обсуждения пословицы в коммуникативном событии посредством диалога между собеседниками или посредством диалога между несколькими слушателями. Таким образом, умелый анализ еврейской поэзии должен выйти за рамки четкой категоризации или маркировки, простой маркировки поэтических приемов. Скорее, он опирается на интуицию и гибкость, на одновременное внимание ко всем аспектам поэтического языка и, что, возможно, наиболее важно, на охват необычного.

Хотя поэзия как таковая, конечно, необычна, если рассматривать ее с точки зрения прозы как нормы, сама идея поэзии, нарушающей норму, безусловно, ошибочна. Многие из самых ранних произведений широкого спектра культур были поэтическими. Поэзия всегда была в центре человеческой мысли и общения.

Следовательно, поэзия является такой же нормой человеческого общения, как и проза. Ключевой вопрос тогда вот в чем. Какова природа необычного в поэзии? Если поэзия упивается необычным в прозе, то в поэзии такие необычные черты — норма.

Таким образом, важно знать и понимать закономерность этих необычных особенностей, и именно этому хорошо учат традиционные учебники по поэтике. Чего эти руководства не передают, так это того, что я хочу назвать поистине необычным. По-настоящему необычным в поэзии являются не те необычные черты, которые соответствуют нашим ожиданиям от необычных особенностей поэзии, что является образцом, а те черты, которые удивляют даже читателей и слушателей, хорошо знающих поэтический жанр.

По иронии судьбы, в большинстве библейских толкований и критиков за последние 200 лет или около того именно эти поистине необычные черты, вероятно, являются настоящим сокровищем библейской поэзии, а любая поэзия в этом отношении часто объявлялась ненадлежащей и игнорируются, объясняются или нормализуются. И мы перестали осознавать творческий гений первых поэтов. Такого рода истинно творческие особенности поэзии, конечно, трудно определить, и здесь, еще раз хочу сказать, решающее значение приобретают интуиция и воображение.

Образная и умелая интерпретация поэзии признает поэзию нормальной формой человеческого общения. Он ценит необычные черты поэзии как нормальные черты поэтического языка. И даже более того, оно прославляет поистине необычное как высшее выражение поэтического воображения.

Другими словами, он ценит обычные черты поэтического выражения и прославляет действительно необычное. Поистине необычные черты поэзии удивляют, восхищают и приглашают читателей и слушателей глубоко погрузиться в поэтическое воображение. И эти утверждения, которыми я только что поделился о том, что я считаю действительно необычным, я бы сказал, вероятно, были для меня самым полезным и самым волнующим открытием в моем знакомстве с Книгой Притчей.

И я думаю, что, по крайней мере, это может оказать реальное влияние и изменить то, как мы читаем библейскую поэзию и любую поэзию в этом отношении. Наконец, я хочу сказать кое-что о двусмысленности, игре слов и навыках интерпретации. Двусмысленность заметна и ценна в библейской поэзии.

Это простое, но глубокое понимание обогатит современную интерпретацию поэзии. Будет обнаружено больше игр слов. Появятся новые примеры игр слов, считавшихся редкими.

Давление на переводчиков, заставляющее их прийти к окончательному, единому смыслу, ослабнет. Многие так называемые интерпретативные трудности, трудности в тексте, которые были объявлены неразрешимыми, неразрешимыми, на самом деле будут решены, потому что мы обнаружим, что они были в первую очередь вызваны преднамеренной двусмысленностью, призванной создать многовалентность. Очевидные кресты будут отмечаться как то, что они есть, как примеры поэтической изобретательности.

Таким образом, хорошая практика академической подготовки библеистов должна подготовить нас к чтению текстов с воображением и открытостью к тонкостям, подобным тем, с которыми мы столкнулись и встретимся в этой серии лекций по Книге Притчей. Толкователи библейской поэзии и пословиц особенно нуждаются в технических навыках, необходимых для распознавания игры слов, когда они ее видят. Им необходимы такие добродетели интерпретации, как трудолюбие, воображение, смелость и мудрость.

Усердие позволит им открыть поэтические тонкости. Воображение поможет им обнаружить и оценить множество значений. Мужество даст им возможность жить с открытыми вопросами относительно различных возможных значений поэтических высказываний.

Мудрость откроет им глаза на современную актуальность материалов пословиц и направит их в правильном применении библейских пословиц. Итак, в оставшейся части Лекции 4 я хочу обсудить структуру различных лекций, составляющих большую часть глав Притчей с 1 по 9. И при этом я также расскажу немного шире о структуре Притчей. От 1 до 9 в целом. Итак, в Книге Притчей 223 стиха, то есть 223 из 915 стихов, которые встречаются более одного раза.

Большое количество этих вариантов повторений, где они появляются в Притчах с 1 по 9, находится в так называемых вводных разделах к тому, что по-разному называлось либо десятью инструкциями, например, Vibre , либо десятью лекциями, например, Вальтке и Фокса в своих комментариях с различными расширениями. Существование этих инструкций было впервые отмечено компанией Vibre и получило широкое признание. Однако три вопроса остаются спорными.

Во-первых, чем заканчиваются различные инструкции? Сам Вибре отмечал, что это определить труднее, особенно если учесть более поздние расширения изначально независимых материалов. Во-вторых, как предполагаемые расширения связаны с реальными лекциями? Мерфи, в частности, в своем комментарии отметил, что невозможно отделить оригинал от расширения, не используя фактически довольно произвольные критерии. И с этим связана третья проблема, а именно, были ли выявленные десять лекций изначально самостоятельными стихотворениями? Конечно, в какой бы форме ни существовали лекции или инструкции до того, как сборник достиг своей окончательной формы, они должны были содержать вводные материалы.

И эти вводные материалы, кажется, имеют сложные связи друг с другом, как мы увидим, когда рассмотрим множество вариантов повторений, встречающихся в книге. И если введения связаны между собой, нам придется либо предположить, что эти две лекции были более поздними дополнениями, либо заключить, что эти лекции изначально не были независимыми. В какое бы время ни было датировано первоначальное состояние.

Характерной чертой подхода Майкла Фокса к структуре Притчей 1–9 является признание того, что десять лекций имеют типичную форму, состоящую из трех частей. То, что он называет вступлением, уроком и заключением. Здесь Фокс последовал предложению Отто Плёгера , который увидел аналогию с классической греческой риторикой, в которой основные части греческой речи фактически назывались *exordium*, *proposition* и *peroration*.

Или вы могли бы сказать введение, основную часть и заключение. Вальтке, Брюс Вальтке в своем комментарии согласился с этим, говоря о том, что он

называл типичной формой лекции, состоящей из введения и урока с заключением. Но он не применял это понимание так последовательно, как Фокс.

Фокс описал эти три части следующим образом. Exordium, введение к лекциям обычно состоит из буквы А — обращения к сыну или сыновьям. Б — призыв услышать и запомнить учения, представленные в лекции.

И С — мотивация, которая поддерживает увещевание, указывая на ценность учения. Основная часть, урок, представляет собой основную часть обучения, которая представляет собой связное сообщение, обычно основанное на одной конкретной теме. И затем вывод.

Заключение обычно состоит из итогового высказывания, обобщающего суть основной части урока. Иногда это заключение заканчивается на замковом камне или полностью состоит из замкового камня, то есть аптека или пословица, которая усиливает учение и обеспечивает запоминающуюся кульминацию, как, например, в главе 1, стих 19. И Плэгер, и Фокс правильно подчеркнули, что большое разнообразие как в общей структуре, например, в некоторых лекциях отсутствует заключение, так и в составе составных частей.

Например, иногда переход от вступления к уроку отмечается новым обращением. Итак, чтобы дать ориентир, если у вас есть такая возможность, я бы рекомендовал вам сравнить список лекций или инструкций, предложенных как Брюсом Уолтке в его комментариях, так и Майклом Фоксом в его комментариях. И хотя они различаются в деталях, в целом они удивительно похожи.

Общая структура, предложенная обоими, вероятно, больше связана с небольшим акцентом или разницей в акцентах, чем с совершенно другой структурной интерпретацией. Сейчас я хочу завершить, пожалуй, лишь некоторыми комментариями о том, где появляются повторяющиеся пословицы и варианты повторов в первых девяти главах. Всего в Притчах с 1 по 9 46 стихов задействованы в вариантном повторении.

Это 18% от общего количества 256 стихов в главах с 1 по 9. В большинстве случаев все варианты данного набора снова появляются в главах с 1 по 9. В некоторых случаях один и тот же стих повторяется более чем в одном стихе. . Из 25 вариантов наборов повторений один и тот же стих повторяется, извините, из 25 вариантов наборов не менее 13, то есть 48,1%, присутствуют во вступлениях к лекциям или во вступлениях к другим идентифицируемым разделам, таким как так называемые интермедии мудрости и так далее. Это предполагает, что тот, кто составил главы с 1 по 9 в том виде, в каком они есть сейчас, совершенно

сознательно повторял вводные предложения из вступлений к 10 лекциям в последующих вступлениях к следующей лекции.

Это предполагает для меня целенаправленную редакционную деятельность и предполагает, что эти лекции не были изначально независимыми как таковые, а были созданы для того, чтобы их можно было читать, преподавать и слушать вместе. В главе 5 урока мы обратимся к некоторым наиболее ярким моментам как из вариантов повторения стихов в главах с 1 по 9, так и к некоторым наиболее захватывающим и интересным разделам в этих конкретных материалах. Это доктор Кнут Хайм в своем учении по книге Притчей.

Это занятие номер 4: Варианты повторения, Параллелизм, Лекции по Притчам, главы с 1 по 9.